

**Владимир Клавдиевич
АРСЕНЬЕВ**

**ЖИЗНЬ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В ТАЙГЕ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А85

Арсеньев, В. К.

А85 Жизнь и приключения в тайге/ В.К. Арсеньев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 258 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-519-66059-4

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантурные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66059-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

24 июня наш небольшой отряд тронулся в путь; легко и отрадно стало на душе, как только пароход отошел от пристани. Слава богу, самые большие препятствия, самые большие трудности преодолены, кончились.

Итак, мы в дороге! Все дальше и дальше позади остается Хабаровск. Широкой полосой расстилается Амур, и представляется он в виде длинного большого озера, в виде безбрежного моря и вовсе не похож на реку. Далеко на горизонте чуть видны острова, и кажутся они как бы висящими в воздухе. Уверенно идет пароход по изученному фарватеру, командир и рулевой руководствуются сигналами по створам и иногда близко подходят к берегу.

С момента отъезда из Хабаровска на пароходе начинают жить судовой жизнью. Вместе с нами ехала публика самая разнообразная: чиновники, играющие в винт «по маленькой», коммерсанты, говорящие о своих торговых спекуляциях, священники со своими семьями и крестьяне с детьми, возвращающиеся в деревни. Кто читает, кто так сидит и смотрит вдаль на острова или на берег,

а кто и просто забился в каюту и под ритмический шум машины уснул как убитый. В 3-м классе — людно. Народу битком набито. Большая часть вплотную лежит на палубе и не встает, чтобы не потерять свое место.

Вечером пароход дошел до села Вятского. Так как здесь начали грузить дрова, то мы решили воспользоваться этим временем и осмотреть селение.

Прежде всего в глаза бросились бесчисленные штабелы дров, а за ними, выше на берегу, и жилые постройки.

Невеселую картину мы увидели: дома давно пришли в ветхость, срубы большею частью сгнили; самые постройки покосились, тес с крыш съехал и оголил решетины, околицы, сделанные на живую нитку, во многих местах повалились; на дворах развал, грязь, мусор.

Общее впечатление таково: как будто здесь давно был погром, люди ушли и все так оставили. Две тощие гнедые лошади лениво плелись вдоль села, хлопая губами, подбирали что-то на дороге, фыркали и подымали пыль. Большого развала, большей неряшливости мне никогда не приходилось видеть.

По дороге, вдоль села, нигде не видно следов колес. Очевидно, здесь никто на телегах давно уже не ездил. Встречный мужик славянского типа, с светло-русой бородой, охотно стал с нами разговаривать. От него мы узнали, что крестьяне переселились сюда лет сорок тому назад из Вятской губернии, живут с достатком, но неряшливо; хлебопашеством не занимаются совершенно, и не все даже имеют огороды. Главное занятие крестьян села Вятского — заготовка и поставка дров в город и на

пароходы, а также рыбная ловля. То и другое выгодное дело. Расчет простой: работнику за заготовку одной сажени дров хозяин платит 1 р. 10 к., а поставка той же сажени на пароход дает 5 — 5 р. 50 к. Заготовка дров производится зимой на санях; летом лошади на воле, отдыхают. Так как от села никуда никаких дорог нет, а сообщение в город производится по Амуру на пароходах, то во всем селе Вятском едва ли найдется хоть одна телега.

Неуютно было в Вятском, и мы пошли к пароходу. Наш словоохотливый собеседник провожал нас до самой реки и все рассказывал о заготовке дров и усиленно размахивал руками.

На пароходе была большая суматоха, стоял невообразимый шум — грузили дрова. Я ушел к себе в каюту, но долго не мог уснуть, оделся и вышел на палубу. Была отличная лунная ночь. Вода серебрилась. Река казалась спокойной, величавой.

Бесчисленное множество мелких ночных бабочек носилось в воздухе; они кружились около фонарей и, обожженные, массами падали на палубу.

Поздно ночью пароход пошел дальше, и 25 июня, около 8 часов утра, мы были уже в селе Троицком. Здесь нас ждали гольды с лодками. Сделав спешно еще кое-какие закупки, мы тотчас же поехали с гольдами к реке Дондон.

Ехать вверх по протокам реки Амура пришлось целый день. Слева от нас тянулись обширные поемные луга, обильно заросшие злаками (*Calamagrostis Villosa*) и осоками (*Corex*). Во многих местах описываемые поем-

ные луга стали подсыхать, кочки выравниваться и чаще стали появляться травы широколистные.

Около берегов, как и везде, заросли тальников.

К вечеру мы вошли в протоку Дырэн и остановились в миссионерской школе, около гольдского селения Найхин, расположенного у устья одной из проток Дондона.

Велико было наше удивление, когда мы узнали, что такой реки Дондон вовсе нет, что Дондон это название острова, название находящегося на нем селения и название смежной протоки Амура и что река, по которой нам предстояло подыматься, называется Онюй (Анюй).

По ней-то и ходят китайские купцы со своими товарами через перевал хребта Сихотэ-Алинь к Императорской Гавани.

Были каникулы, в троицкой миссионерской школе никого из учеников не было. Там мы застали учителя. Он задержался здесь в ожидании комиссии, которая должна была осмотреть здания как самой школы, так равно и общежития учеников.

От учителя мы узнали, что в школе учится до 60 учеников-гольдов. Дети собираются из восьми окрестных стойбищ: Торгон, Дондон, Халан, Найхин, Дырга, Гордома, Дады и Юлан. Учитель жалуется, что не все родители посылают в школу своих детей, а если и посылают, то часто с большими пропусками, неаккуратно и рано берут их домой обратно, не дождавшись окончания курса. Из разговора с гольдами я узнал, что учитель им не нравится, потому что он строг.

По словам учителя, дети учатся хорошо, охотно, легко усваивают русскую азбуку, счисление и особенно способны к рисованию.

Во всем этом я имел случай лично убедиться: на другой же день ко мне пришли три орочёнки, привели своих детей и просили освободить их от школы. При проверке знаний мальчиков я увидел, что они хорошо говорят

по-русски, свободно читают (не по складам) и бегло пишут. В общем, видно, что амурским гольдам упомянутых селений не нравится обучение детей в школах. Кажется, они опасаются, что впоследствии за это детей их привлекут к отбыванию воинской повинности.

Гольдское селение Найхин состоит из 17 фанз, живописно в ряд расположенных на самом берегу протоки Дырен. При входе в селение прежде всего бросается в глаза целый лес шестов, палок, жердей, укрепленных горизонтально на сошках. На них гольды сушат свою рыбу. Весь берег усеян лодками. Сотни собак встретили нас лаем. Гольды окликнули их, пригрозили, и собаки с неохотой снова улеглись на прежние свои места. Мошки и комары мучили их, и они зарывались в землю, забивались в траву, под корни деревьев или ложились в воду.

Порядок и чистота в селении были образцовые; такой же порядок был и в фанзах: стены чисто вымазаны, циновки блестели и полы выметены. Откровенно говоря, мы не ожидали встретить такой порядок. Совсем не то, что в селе Вятском. Найхинские гольды живут хорошо, зажиточно, никому ничего не должны и многие из них имеют лишнюю копейку про черный день.

Когда гольды узнали, что мы хотим идти вверх по реке Онюй, они начали рассказывать нам всякие ужасы про эту реку, уверяли, что пройти невозможно, что летом даже орочи не поднимаются на лодках и идти к истокам ее наотрез отказались. Из расспросов я узнал, что по Онюю все же живут орочи и что их услугами можно будет воспользоваться. Видно было, что амурские гольды боятся Онюя.

Оно и понятно. Привыкшие жить на Амуре, плавающие на своих дощатых лодках по чистым, тихим, широким протокам его, они отвыкли от быстрых горных рек и теряются, если лодку несет через порог к бурелому. Уговаривать их на это предприятие мы не стали, но все же условились, что они подымут нас по Онюю вверх, верст на 30, до фанзы Дуляля. Вечером мы возвратились в школу и в ней провели последнюю ночь у гостеприимного учителя.

29 июня утром гольды явились; мы сложили свое имущество, продовольствие и тронулись в путь, а на третий день были в фанзе Дуляля, в 35 верстах от устья.

Устье реки Онюй состоит из множества больших и малых рукавов и протоков. Дельта, образуемая рукавами Анюя, занимает собою площадь около 16 квадратных верст. Без провожатого пройти их нельзя; многие из них завалены буреломом, нанесенным сюда рекою во время наводнений. Едва мы вступили в реку, как сразу убедились, что течение ее действительно очень быстрое (около шести футов в секунду). На веслах идти нельзя, надо упираться шестами. На каждой лодке должно быть три человека рабочих. Наши лодки постоянно лавировали от одного берега к другому: гольды выбирали, где течение послабее. Идти на шестах против течения быстрой реки — это большой труд.

Очень часто наши провожатые приставали к каменной отмели, чтобы отдохнуть и покурить трубку.

Было бы ошибочно думать, что река Онюй теперь в виде одной реки, в виде одного потока, и что по берегам ее можно идти пешеходом. Вода идет по бесчисленному

множеству рукавов и протоков, разветвляющихся в разные стороны и по всем направлениям. Многие из протоков тоже завалены буреломом и корчами. Под ними сильно шумит, клокочет и пенится вода. Пока придерживаешься отмели, течение как будто тише, но вдруг за поворотом новая глубокая протока с такою силою выносит воду, что у сидящих в лодке начинает кружиться голова. Бывает, что вода с силой несется из двух протоков, расположенных друг против друга, сталкивается и образует настоящий клокочущий водоворот. Бедные наши собаки (они бежали по берегу) страшно страдали. Мы видели, как течение уносило их под завалы, и они появлялись из воды лишь по другую сторону бурелома. Одна собака утонула на наших глазах, другая пропала без вести (вероятно, тоже утонула). Медленно, с большим трудом мы поднимались вверх по течению, лавируя между островами и придерживаясь больше протоков и мелких мест. В сумерки отряд наш расположился биваком на косе из каменистой гальки.

Первой заботой было собрать собак, разбившихся поодиночке. Пришлось послать одну лодку. Едва собаки дошли до бивака, как упали на камни; не хотели есть от переутомления и в мгновение уснули.

Лодки были вытащены далеко на берег; загорелись костры, забелели комарники. Недолго копошились и люди — все реже и реже показывалась чья-нибудь голова, все реже и реже слышался чей-нибудь голос, и скоро весь бивак, убаюкиваемый шумом текущей воды, уснул сном, каким могут спать только усталые.

А на небе собирались тучи.